

КТО ДАЛ НАЗВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИМ СБОРНИКАМ А. А. ФЕТА «ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ»?

Вопрос о том, кто дал название первому сборнику А. А. Фета «Вечерние огни», не ставился исследователями творчества поэта. Считалось, что заглавие было придумано самим Фетом. Однако хранящиеся в Отделе рукописей РГБ письма к Фету Н. Н. Страхова свидетельствуют о другом.¹

Известно, какое участие принимал Н. Н. Страхов в подготовке первого и последующих выпусков «Вечерних огней», как горячо приветствовал почти каждое новое стихотворение глубоко чтимого им поэта, которого Муза стала посещать в конце 1870-х—начале 1880-х годов столь же часто, как в молодости. После двадцатилетнего молчания (последний его поэтический сборник в двух томах вышел в издательстве К. Солдатенкова в Москве в 1863 году) Фет вернулся в литературу.

Верно было замечено, что новый взлет творческой активности поэта был обусловлен существенными переменами в его жизни, хотя трудно сказать, что оказалось первопричиной. Может быть, поэтическая струя, таившаяся под спудом долгие годы, наконец, стала настойчиво вырываться из глубины. Недаром еще в 1867 году Л. Н. Толстой писал Фету: «Я от вас жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, чтобы вы кончили. Я свежее и сильнее вас не знаю человека. Поток ваш все течет, давая то же известное количество ведер воды — силы. Колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, (...) но поток все течет, и, ежели он ушел в землю, он где-нибудь опять выйдет и завертит другие колеса».²

В 1877 году Фет приобрел в Курской губернии имение, принадлежавшее прежде Ртищеву. После необходимых переделок усадьба, расположенная в живописном месте на берегу реки Тускари, стала пригодной для жилья. Поэт обрел, наконец, как ему казалось, долгожданный покой и досуг, оставив в соседней Орловской губернии Степановку, которой было отдано семнадцать лет жизни и неустанных трудов. Усилиями Фета Степановка, над которой так иронизировал И. С. Тургенев,³ превратилась в цветущее хозяйство. Но земледельческие хлопоты и исполнение в течение десяти с лишним лет обязанностей мирового судьи Мценского уезда, хотя и стали предметом многих его публицистических выступлений, отбирали почти все свободное время. Груз хозяйственных забот тяготил и не приносил удовлетворения. Вынеся на собственном опыте всю тяжесть крестьянской реформы 1861 года, Фет, спустя полтора десятка лет, вынужден был признать, что экономическое положение России не улучшилось, а ухудшилось. Чувствуя ослабление здоровья, растроченного на непосильную борьбу с экономическими неурядицами, он принял решение круто изменить привычный уклад жизни.

Воробьевка справедливо считается поэтической колыбелью «Вечерних огней». Сюда, в гостеприимный дом Фетов-Шеншинных нередко приезжал из Ясной Поляны Л. Н. Толстой. Подолгу гостил молодой поэт и философ Вл. С. Соловьев, сын знаме-

¹ Обращение к этим письмам вызвано подготовкой нами к печати переписки Фета с Н. Н. Страховым для задуманной редакцией «Литературного наследства» «Переписки А. А. Фета с русскими писателями» (ответственный редактор Т. Г. Динесман, которой приношу благодарность за возможность ознакомиться с копиями писем Страхова и Фета, хранящимися в РГБ).

² Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 387. Письмо от 28 июня 1867 года.

³ «Он приобрел себе за фабулозную сумму (...) 200 десятин голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись... Не знаю, как он выдержит эту жизнь (точно в пирог себя запек)...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1987. Т. 4. С. 340).

никого историка, с которым Фет учился в Московском университете. Желанными гостями были Я. П. Полонский, тоже однокашник Фета по Московскому университету, и его семья. Почти каждое лето, начиная с 1878 года, по две-три недели гостил в Воробьевке и Николай Николаевич Страхов, которому Фет в первом дошедшем до нас письме дал любопытную характеристику.

«Не буду говорить, до какой степени меня, после мимолетной встречи в Питере, — писал поэт в середине ноября 1877 года, — постоянно тянуло сблизиться с Вами, как с мыслителем. — В нашей умственной пустыне такое влечение более чем понятно; но увидав Вас ближе, я открыл в Вас то, что для меня едва ли не дороже мыслителя.

Я открыл в Вас кусок круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки и своим мягким прикосновением только способствует растворению внешней грязи, нисколько не принимая ее в себя и оставаясь все тем же круглым и душистым плотным телом. Вы скажете: „я объективен, как всесторонний мыслитель“. — Какое мне дело, почему? Я чувствую себя с Вами хорошо, — и этим довольствуюсь.

Я не забыл данного Вами на прощанье обещания погостить у нас в летнее время будущего года. Но ведь подобные обещания часто даются вежливости ради, чтобы не обидеть отказом.

В настоящее время я в сильных попыхах, по случаю перекочевки из Орловской в Курскую губернию, где жена купила поистине очаровательное имение, как усадьба и как местность. Если эстетический человек может где вздохнуть свободно от трудов, то это без сомнения там. Это по той же Курской дороге, только 2 ½ часами дальше к Курску».⁴

Страхов с готовностью откликнулся на призыв Фета. «Вы похвалили меня, — писал он 24 ноября 1877 года, — и я рад, что мне можно и следует высказать Вам то душевное расположение, которое Вы мне внушили, — хоть я и не найду такого милого сравнения, как Ваше сравнение меня с куском мыла. Вы для меня человек, в котором все — настоящее, неподдельное, без малейшей примеси мишуры. Ваша поэзия — чистое золото, не уступающее, поэтому, золоту никаких других рудников и россыпей. Ваши заботы, служба, образ жизни — все также имеет настоящий вид — железа, меди, серебра — какой чему следует. Вы знаете, что занятие поэзией ведет к фальши, к притворству, к ломанью. У Вас же все чисто и ясно, и редко случалось мне смотреть на людей с таким приятным чувством душевной чистоплотности, с каким я смотрю на Вас.

Приеду непременно, и очень Вам благодарен за повторенное приглашение, так как я немножко робок. После Льва Николаевича, никуда мне так приятно не будет ехать, как к Вам».⁵

Так началась эта дружба, которая не прерывалась до самой смерти Фета, последовавшей 21 ноября 1892 года. Страхов оказался тем человеком, кому было суждено выполнить последнюю волю покойного.

Незадолго до кончины Фет задумал опубликовать полное собрание своих стихотворений. Сохранилось несколько списков оглавления будущего издания, но подготовить его поэт не успел.⁶ Это сделали за него вдова, предоставившая необходимые

⁴ Цит. по: Из переписки. Письма графа Л. Н. Толстого, А. Фета и Н. Н. Страхова // Русское обозрение. М., 1901. Вып. 1. С. 72. Выражение «жена купила» означает, что Воробьевка, как и приобретенный Фетом позднее в Москве дом на Плющихе, была куплена на имя жены Фета Марии Петровны (рожд. Боткиной).

⁵ Там же. С. 73. Лев Николаевич — это, конечно, Толстой, с которым Страхов сблизился в 1871 году и до конца жизни оставался одним из самых преданных его почитателей (см.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Толстовский музей. СПб., 1914. Т. II).

⁶ См. об этом: *Бухштаб Б. Я. Судьба поэтического наследства А. А. Фета // Литературное наследство. 1936. Т. 22—24. С. 579—584.*

материалы, Н. Н. Страхов и вел. кн. Константин Константинович (К. Р.), считавший Фета своим учителем.⁷ В 1894 году в Петербурге вышли два тома «Лирических стихотворений А. Фета», куда вошло немало неопубликованных произведений.

«В Воробьевский период, — писал Страхов в предисловии к этому изданию, — были издаваемы собрания стихотворений под заглавием „Вечерние огни“, первая книга в 1883 году, второй выпуск в 1885, третий в 1888, четвертый в 1891».⁸ О своем участии в подготовке этих изданий Страхов, разумеется, не обмолвился.

В 1883 году он откликнулся на выход в свет первого выпуска «Вечерних огней» небольшой рецензией в газете И. С. Аксакова «Русь» (1883. 15 дек.), где писал: «Вечерние огни — чистая поэзия, — в том смысле, что тут ни в мысли, ни в образе, ни в самом звуке нет никакой примеси прозы. Это — особая область (<...>). Не всякому дается чувство поэзии. Фет точно чужой среди нас, и очень хорошо чувствует, что служит покинутому толпою божеству:

А я по-прежнему смиренный,
Забывтый, брошенный в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

И это правда: его звуки по-прежнему — одно поклонение прекрасному, одно чистое золото поэзии; в них слышались только, кроме прежних, еще новые, глубокие и важные струны».⁹

Приведа эти строки, Страхов мог рассказать многое о том, как создавался сборник, однако он этого не сделал. Сохранившиеся письма свидетельствуют о самом деятельном участии критика в отборе стихотворений и их правке. Вот почему цитаты из писем Страхова к Фету занимают столь существенное место в комментариях к прекрасно подготовленному изданию «Вечерних огней», вышедшему в серии «Литературные памятники» дважды (в 1971 и 1981 годах). Здесь читаем: «Из переписки Фета известно, что в подготовке их (сборников. — Н. Г.) к печати принимали ближайшее участие некоторые его (Фета. — Н. Г.) друзья и особенно большое — философ и критик Н. Н. Страхов, а также философ и поэт В. С. Соловьев...»¹⁰

Нет сомнения, что изучение редакторской работы Страхова над подготовкой к печати сборников «Вечерние огни» еще ждет своего исследователя. Но уже сейчас можно сказать с полной уверенностью, что и само название выпускаемых новых стихотворений Фета дал именно он. Более того, можно предположить, что впервые мысль собрать последние стихотворения в отдельный сборник была подсказана Фету Страховым. Ведь как раз в письме к Страхову от 3 марта (ст. ст.) 1879 года Фет впервые упоминает о возможности издать последние стихотворения отдельной книгой.

«1000 раз спасибо Вам, дорогой Николай Николаевич! — писал Фет, — за Ваше последнее письмо, коего почерк я всегда с такой радостью узнаю на редких конвер-

⁷ Сохранившаяся переписка Страхова и К. Р. позволяет восстановить основные этапы подготовки этого издания. См.: К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 407—440.

⁸ Фет А. Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894. Ч. 1. С. XII.

⁹ Цит. по: Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 222—224. Нельзя не отметить, что экземпляр этой книги, хранящийся в библиотеке Пушкинского Дома, поступил туда в составе коллекции А. Ф. Отто-Онегина с надписью на фронтисписе рукой владельца: «Puchkiniana A. Ф. Онегина. Paris». Переплет книги был заказан Онегиным в Париже.

¹⁰ Фет А. А. Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой и М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1981. С. 636. Об участии Соловьева говорит воспроизведенная в издании факсимиле дарственная надпись: «Дорогому зодчему этой книги [Вечерние огни] Владимиру Сергеевичу Соловьеву [собрание неизданных стихотворений] автора [А. Фета]» (С. 27). Правда, в комментариях эта надпись выглядит усеченно — «зодчему этой книги» (С. 636). Надпись вмонтирована в титульный лист, который мы воспроизводим в квадратных скобках.

тах. Спасибо и за хлопоты и за все. Дороже всего, что именно Вы-то один из тех: „чья благосклонная рука потреплет лавры старика“. Приходится коснуться столь разнообразного, что удобней по пунктам.

1. Конечно, не мешает напечатаньем последних стихов дать будущему собирателю легкий к ним доступ. Не всё же будут зеленоухие ослы заседать на столычке нашей интеллигенции».

В письме Страхова от 24 февраля того же года, на которое отвечает Фет, речь не идет о «напечатаньи последних стихов с целью дать будущему собирателю легкий к ним доступ», но такая идея могла возникнуть потому, что в это время Страхов активно устраивал публикации новых стихотворений в различных периодических изданиях (например, в «Огоньке», «Русской речи», «Вестнике Европы» и др.).

В упомянутом письме от 24 февраля Страхов сообщал: «Я очень виноват перед Вами, но имею и некоторые заслуги. Главная — четыре Ваших стихотворения напечатаны в „Огоньке“, а пятое — „Отошедшей“ будет напечатано в апрельской книжке „Русской Речи“. Помещение в „Огоньке“ Вы можете считать за маленькое унижение, которое вполне вознаграждается, однако, великою честью, делаемою Вам г. Навроцким. Я то смеюсь, то бешусь, но, право, мы живем в нелепое время. Вы знаете, что на Вас существует гонение, поднятое, конечно, Вашими собратами, Курочкиным, Минаевым и пр.». Оценка Фетом своих «собратов» не замедлила сказаться в том письме, где речь идет о «зеленоухих ослах», но дело было не только в них. Устраивая стихи Фета, Страхов сталкивался со всевозможными трудностями, начиная с нежелания некоторых издателей помещать фетовские стихи на страницах своих изданий и кончая бесконечными опечатками, от которых поэт страдал всю жизнь. Критику первому, конечно, могла прийти в голову мысль собрать печатающиеся в газетах и журналах стихотворения Фета, которые уже в ближайшее время могли стать труднодоступными для читателей. Ведь Страхов был к тому же библиотекарем и лучше других представлял себе всю невыгоду публикаций в разрозненных периодических изданиях.

К сожалению, более подробных сведений о первом замысле «Вечерних огней» нет, но вот через три года в постскриптуме к письму Страхова Фету от 25 сентября 1882 года появляется следующая приписка: «„Сумерки“ есть у Баратынского; „На закате“ недавно издал Полонский; „Вечерние тени“ мне почему-то не вполне нравятся; не лучше ли „Вечерние огни“? А чудесная будет книга».¹¹

Остается лишь сделать вывод, что в не дошедшем до нас письме Фет сообщал Страхову о намерении собрать свои новые стихотворения для отдельного издания и подыскивал ему заглавие. Перечисленные поэтом варианты («Сумерки», «На закате», «Вечерние тени») Страхов решительно отверг и предложил свой, который и оказался навечно связанным с именем Фета.

Два из упомянутых в письме Страхова вариантов заглавия будущего сборника помещены на первой странице рабочей тетради Фета, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ (начало ее заполнения датируется 1859 годом, окончание, вероятно, 1883 годом). Но «Вечерние тени» — вариант первоначального названия «Вечерние песни» («тени» — вписано вместо зачеркнутого: «песни»). Кроме того, среди вариантов заглавия есть и такое, которое не было послано Страхову: «Зазимки» (по Далю: «заморозки, первые морозы, первый снежок, небольшая ранняя пороша, с заморозками, до устоя зимы»). Это заглавие было отброшено Фетом, несомненно, из-за очевидного сходства с названием сборника стихов и прозы Я. П. Полонского «Озими», вышедшего в 1876 году в двух частях в Петербурге. Фет мог сообщить об этом варианте Страхову.

¹¹ РГБ. Ф. 315. 11. 30. Л. 29.

Страхов был прав, подвергнув сомнению предложенные Фетом заглавия. Последний поэтический сборник Е. А. Баратынского «Сумерки» вышел в Москве в 1842 году с посвящением П. А. Вяземскому, а последний сборник Я. П. Полонского «На закате. Стихотворения. 1877—1880» (М., 1881) был у всех на слуху.

В следующем письме от 9 (21) ноября 1882 года Страхов, вновь откликаясь на неизвестное письмо Фета, восклицает: «С нетерпением жду „Вечерних огней“ (я рад, что принялось мое заглавие). В Вас еще полным ключом бьет поэзия. Какие прелестные стихи!

Только в сердечке поникнувших роз
Капли застыли младенческих слез —

Это Фет, настоящий Фет!»¹²

Очевидно, составители «Вечерних огней», вышедших в серии «Литературные памятники», не обратили внимания на эти строки, иначе мы давно бы уже знали, кто придумал название, ставшее символом высочайшего взлета поэтического гения А. А. Фета.

¹² Там же. Л. 32.

© Н. Н. Мостовская

НЕКРАСОВ И П. В. АННЕНКОВ: ПРОБЛЕМА ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

К проблеме взаимоотношений Некрасова и Анненкова исследователи, по существу, не обращались. Кроме небольшой вступительной статейки Г. В. Краснова к переписке Некрасова с Анненковым в двухтомнике писем Некрасова,¹ специальных работ на эту тему нет. Б. Ф. Егоров писал только об Анненкове-критике, не упомянув, что и Некрасов занимался этой деятельностью. Вышедшая недавно книга под редакцией И. Н. Сухих «П. В. Анненков. Критические очерки» (СПб., 2000) интересна собранными в ней статьями. Но в предисловии к ней имя Некрасова также отсутствует. Чаще всего эти авторы (Некрасов и Анненков) упоминаются в переписке частных лиц, в том числе Тургенева, что естественно: Тургенев и Анненков — близкие друзья.

Чем объяснить это литературоведческое безмолвие? Ведь они оба ревностно и каждый по-своему служили развитию русской литературы. Может быть, причина заключалась в том, что Анненков ни разу не назвал имени поэта в своих статьях, но он вообще не писал о поэзии. Зато в его письмах к разным лицам, в том числе к Тургеневу, М. М. Стасюлевичу и другим, Некрасов оживает: то одобряется, то порицается. Причем в оценках Анненкова ощутим четкий водораздел между Некрасовым-поэтом и человеком. Как человек, психологически Некрасов не был близок Анненкову, хотя относились они друг к другу весьма уважительно.

И все-таки творческие точки соприкосновения между ними были. В молодости Анненков близко сошелся с Некрасовым и Тургеневым в кружке Белинского, «Современника», что нашло отражение в мемуарах Анненкова «Замечательное десятилетие», в автобиографических заметках Некрасова «Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, от крит(ических) ст(атей) Белинского, Боткина, Аннен-

¹ Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 245—246. Далее ссылки на это издание в тексте.